
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(438)"1940/1953"

EDN: GVMYAJ

Катынь в оценках и политике американского руководства (1940–1953 гг.)

Немчанинов Даниил Григорьевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук,
Кировский ГМУ Минздрава России. Россия, г. Киров.

ResearcherID: ANB-7155-2022. ORCID: 0000-0001-6115-6349. E-mail: nemchaninovdg@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается американская политика в отношении расстрела польских военнослужащих в Катыни весной 1940 г. Выделены основные детерминанты и этапы эволюции внешнеполитических решений руководства Соединенных Штатов в данном вопросе. Сделаны выводы о влиянии американской заинтересованности в годы Второй мировой войны в сохранении антигитлеровской коалиции и вследствие этого нежелании Вашингтона придавать международной огласке подробности данного события. В послевоенный период происходит ослабление государственного регулирования оценок данных событий и активизация интереса общественности США к теме Катыни. Большую роль в популяризации играли представители польской диаспоры, которые активно проводили сбор и распространение информации о событиях в Катыни. Отдельный интерес представляют действия делегации Соединенных Штатов на Нюрнбергском процессе, не поддержавшей в этом вопросе позицию СССР. На третьем этапе в Конгрессе США формируется специальный комитет для расследования всех обстоятельств гибели польских военнослужащих в Катыни, опубликованные результаты которого вызвали широкий общественный резонанс. Существенное значение при этом имела предвыборная кампания 1952 г. в США, во время которой представители республиканской партии для победы над демократами использовали замалчивание ружельговской администрацией имеющихся фактов о событиях в Катыни. Это способствовало привлечению на сторону республиканцев многочисленной группы избирателей – выходцев из восточноевропейских стран. После окончания Корейской войны интерес к данной теме снизился и проявлялся лишь периодически в качестве элемента психологической войны в рамках биполярного противостояния.

Ключевые слова: холодная война, Польша, Катынь, Госдепартамент, советско-американские отношения.

Введение. В современных условиях нарастающего напряжения в отношениях РФ с «коллективным Западом» особое место занимают конфликты исторической памяти. Ведущим полем столкновения, как правило, служат события, происходившие в годы Второй мировой войны, а наиболее проблемными являются конфликты, связанные с Польшей. Польско-российский антагонизм имеет давние исторические корни и содержит много болезненных и драматических фактов.

Одним из таких фактов является трагедия в Катыни в конце мая 1940 г., когда по приказу советского руководства были расстреляны несколько тысяч польских военнослужащих, попавших в плен РККА в сентябре 1939 г.¹ Советское правительство долгие годы отрицало свою причастность к данному трагическому событию, многие страны Запада, и прежде всего США, имели основания догадываться от роли Москвы в данной трагедии, но по ряду причин дипломатического и внутривластного характера в Вашингтоне предпочли закрыть глаза на неудобные факты.

© Немчанинов Даниил Григорьевич, 2025

¹ 13 апреля 1990 г. во время визита в Москву президента Польши В. Ярузельского президент СССР М. Горбачев передал своему польскому коллеге списки польских военнопленных из лагерей в Осташкове, Козельске и Старобельске, а ТАСС официально заявил об ответственности советского руководства за расстрел поляков в Катыни. Тогда же советская Главная военная прокуратура начала расследование по поводу данного преступления и подтвердила вынесение смертных приговоров польским военнослужащим «тройками» НКВД по прямому указанию руководства Советского Союза.

Однако трудности послевоенного урегулирования и развитие последующей биполярной конфронтации позволили Соединенным Штатам пересмотреть свои взгляды и использовать трагедию в Катыни в определенных политических целях. Лишь с окончанием холодной войны и признанием советским руководством ответственности за Катынский расстрел было проведено тщательное расследование фактов преступления. Однако из-за современных трудностей в российско-американских и российско-польских отношениях и существующей политизации современного ревизионистского дискурса тема Катыни по-прежнему остается одним из ключевых конфликтных триггеров и фактором противостояния различных вариантов исторической памяти.

С учетом важности современного стратегического партнерства между Польшей и США чрезвычайно актуальным представляется прояснить отношение Соединенных Штатов к информации о событиях в Катыни в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы в контексте польско-американских и советско-американских отношений, показать эволюцию оценок американским руководством этой трагедии и роль США в обнародовании сведений по данному вопросу, отдельно отметить цели и задачи популяризации данной темы Вашингтоном.

Актуальность данного исследования возрастает в связи с продолжающимся украинским конфликтом, где имеющие место военные преступления вновь становятся предметом конфликтов исторической памяти, оказывая существенное влияние на международные отношения.

Расстрел польских военнопленных в Катыни становился предметом исследования отечественных и зарубежных историков. Первая публикация по этой теме была издана в Берлине по результатам немецкого расследования в 1943 г. В дальнейшем в 1953 г. были опубликованы результаты расследования комиссии при Конгрессе США, где ответственность за преступление возлагалась на СССР. До окончания холодной войны каких-то комплексных научных исследований по данному вопросу практически не предпринималось из-за недоступности советских документов и материалов дел. Только в 1990-е гг. был рассекречен и опубликован значительный массив документальных источников. Вслед за этим появляются содержательные работы по данной тематике (К. Вебер, Д. Стэнфорд, Т. Урбан, Н. Лебедева, В. Мастерски, Е. Скочилас, А. Ченчала и др.). При этом американская политика в данном вопросе была освещена не полностью и ограничивалась, как правило, лишь расследованием Конгресса США. Ставшие доступными в последнее время документальные источники, прежде всего польские и американские, позволяют по-новому взглянуть на данную проблему.

Американское руководство и «пропавшие поляки» (1940–1943 гг.). В результате сентябрьской кампании 1939 г. территория Польши оказалась разделенной между четырьмя странами: Германией, СССР, Литвой и Словакией. На территории Советского Союза оказались более 5 млн польскоязычных граждан [31, с. 13]. Войска РККА взяли в плен 250 тыс. польских военнослужащих, из них 11,5 тыс. офицеров. Чины полиции и жандармерии содержались в Осташковском лагере, офицеров сосредоточили в лагерях Старобельск-2 и Козельск-2. Офицеры Львовского гарнизона были заключены в лагерь в Старобельске [2, с. 282].

В советском руководстве существовало несколько точек зрения на то, что делать с военнопленными польской армии. Согласно первой, в Москве понимали временный характер сотрудничества и неизбежность дальнейшего столкновения с Германией, поэтому допускалась возможность использования польских военнослужащих в случае войны с Германией. Вторая точка зрения была обусловлена тем, что антигерманский потенциал польских военнослужащих шел вразрез с секретными договоренностями пакта Молотова – Риббентропа. К тому же Москве требовалось «разгрузить» пенитенциарную систему для финских пленных и репрессированных из прибалтийских республик [5, с. 120–123].

Весной 1940 г. вторая точка зрения стала преобладающей, и «истребление непригодного для воплощения сталинских планов человеческого материала по отработанной репрессивным режимом схеме» было утверждено Москвой. К концу мая 1940 г. 21 857 польских военнослужащих, содержащихся в трех спецлагерях и тюрьмах, были расстреляны. Советское руководство стремилось максимально скрыть следы содеянного, однако полностью сделать это оказалось невозможно: выжили «палачи», некоторые жертвы, а также, как выяснилось, были свидетели из числа местных жителей. Поэтому уже к концу 1940 г. польское подполье и правительство в эмиграции располагали сведениями о трагедии в Катынском лесу, однако ее масштабы на тот момент были им неизвестны. Всё это отяготило урегулирование советско-польских отношений в 1941–1942 гг. и повлияло на дальнейший характер их развития [5, с. 124–125].

В Вашингтоне знали о большом количестве пленных польских военнослужащих и офицеров. В депеше от 2 ноября 1939 г. американский посол в Румынии Ф. Гюнтер сообщал в Госдепартамент, что советские власти приступили к регистрации и высылке вглубь СССР имеющегося польского офицерского состава. Прежде всего это касалось контингента «наиболее способного к заговору против господства русских». Польское правительство в эмиграции пробовало через американское руководство обратиться к СССР с целью улучшения положения пленных, однако Москва категорически отказывала Вашингтону в обсуждении данного вопроса [13, pp. 210–211]. Польский Красный крест уже в конце 1940 г. зафиксировал значительное снижение количества писем от польских военнопленных из СССР, вплоть до практически полного прекращения переписки с лагерями в Старобельске, Козельске, Осташкове [12, p. 400].

После нападения Германии на СССР и подписания соглашения Сикорского – Майского, предусматривавшего амнистию всем заключенным полякам на территории Советского Союза и создание польской армии на его территории, остро встал вопрос о количестве пленных поляков, численность которых советское руководство стремилось занизить [13, pp. 242–243]. Польское правительство в эмиграции неоднократно обращалось к руководству СССР с просьбой помочь в освобождении всех пленных, так как не могло досчитаться существенной части офицерского состава, списывая это на то, что советское руководство затягивало амнистию.

В 1980 г. глава американской разведывательной ячейки «Понд» полковник Д. Громбах утверждал, что уже в 1942 г. от своих информаторов он получал сведения о том, что произошло в Катыни [29, p. 153]. Однако эта информация не передавалась широкой огласке ввиду того, что США и СССР были союзниками.

7 февраля 1942 г. секретарь посольства США в СССР Л. Томпсон направил в Госдепартамент меморандум, в котором сообщал о «пропаже» части пленных поляков в СССР. Он отмечал, что пленные были сосредоточены в лагерях, расположенных в Старобельске, Козельске и Осташкове, в количестве более 15 тыс. человек, из них 8,7 тыс. офицеров. Данные поляки, по сообщению дипломата, не вернулись из плена, и место, где они находились, совершенно неизвестно, за исключением 400 или 500 человек, т. е. около 3 % от общего числа военнопленных, содержащихся в этих лагерях. Ликвидация данных лагерей, как сообщал Томпсон, была начата 3 апреля 1940 г. и вскоре завершена. С мая 1940 г. о пленных из данных лагерей больше не поступало «ни одного крика о помощи», и эмигрантское польское правительство «не имело никаких известий о их местонахождении, кроме смутных слухов» [14, pp. 104–105].

2 июня 1942 г. посол США при польском правительстве в изгнании Э. Биддл докладывал в Госдепартамент, что из разговора с польским премьером генералом В. Сикорским ему стало известно, что значительное количество пропавших офицеров, содержащихся в трех лагерях, было вывезено в неизвестном направлении до лета 1940 г., и с тех пор о них ничего не известно. Их число оценивается примерно в 8,3 тыс. человек: 1/3 из них – профессиональные офицеры, и 2/3 офицеры запаса, в том числе около 800 врачей, много университетских профессоров, преподавателей и иных специалистов. Польские военные власти передавали списки данных офицеров Сталину с предложением освободить их, но советское руководство неизменно отвечало, что все имеющиеся в СССР военнопленные уже освобождены. Сикорский подозревал, что данные офицеры могли быть депортированы на острова Франца-Иосифа, к северу от Шпицбергена или в Северо-Восточную Сибирь, на север Якутии или в верховья Колымы. Он опасался, что большинство из пленных умерло от голода, чумы и холода, и предполагал, что остальных еще можно спасти; поэтому он обращался к американскому руководству с просьбой поднять данный вопрос на переговорах в Вашингтоне летом 1942 г. на встрече президента Ф. Рузвельта и наркома иностранных дел СССР В. Молотова. Возможная смерть этих людей, по словам Сикорского, большинство из которых имело высшее образование, стала бы серьезной потерей для Польши. Польский генерал выражал надежду, что «русские смогут поступить в этом вопросе благосклонно» [14, pp. 150–151].

13 июня эта тема была затронута послом Польши в Вашингтоне Я. Цехановским в беседе с государственным секретарем К. Хэллом [14, p. 153–154]. 19 августа 1942 г. К. Хэлл поручил послу США в СССР У. Стэндли поднять вопрос об освобождении «пропавших» 8 тыс. польских офицеров, однако подчеркнул, что Вашингтон не должен вмешиваться в это дело, считая, что оно может нанести ущерб «духу сотрудничества» между странами антигитлеровской коалиции [14, pp. 174–175]. Отдельно жена польского премьера Хелена направила супруге американского президента Элеоноре Рузвельт письмо с просьбой о помощи в этом вопросе, полагая, что «моральный авторитет первой леди Америки сможет помочь, когда все другие уговоры потерпят неудачу» [14, pp. 177–178].

Однако президент Рузвельт в телеграмме послу США при эмигрантском польском правительстве Э. Биддлу указал, что, в условиях общего ухудшения польско-советских отношений, следует ограничить обращение к властям СССР общим предложением по улучшению этих отношений, не перечисляя «слишком много конкретных проблем» [14, pp. 183–184]. У. Стэндли 10 сентября 1942 г. сообщал в Вашингтон, что, беседуя с Молотовым, он несколько раз поднимал деликатную тему о польских военнопленных, но всякий раз натыкался на раздражение с его стороны. А когда он дал понять, что США не желают вмешиваться в польско-советские отношения, помощник наркома по иностранным делам С. Лозовский заметил, что «это лучшее, что можно сделать». Сам же Стэндли полагал, что американскому руководству в данном вопросе стоит занять более активную позицию и «подойти к Сталину не в извиняющейся манере, а с твердостью и откровенностью, как к заинтересованной стороне», отметив, что любое ухудшение польско-советских отношений наносит ущерб всей антигитлеровской коалиции и их нормализация «принесет столько же пользы общему делу, сколько большая военная победа». Хэлл, однако, с предложением Стэндли не согласился [14, pp. 183–185].

После эвакуации поляков из СССР в Персию американцы направили туда в качестве офицера связи с армией Андерса своего разведчика, поляка по происхождению Г. Шимански. Тот тщательно расследовал пропажу польских офицеров. Его доклад, представленный в конце апреля – мае 1942 г., был подкреплен британскими данными, а также находками Ю. Чапского, офицера армии Андерса, ответственного за поиск информации о пропавших офицерах. Шимански направил своему руководству достоверную информацию об обращении НКВД с польскими военнопленными, методах допроса, а также об эвакуации трех лагерей весной 1940 г. За свои выводы о виновности СССР в пропаже польских офицеров Шимански заслужил официальный выговор, основной причиной которого был назван систематически «антисоветский характер» его сообщений [25, p. 161]. Тем не менее он планировал посетить СССР, чтобы выяснить все подробности этого дела, однако советская сторона отказала ему во въезде [30, S. 221].

14 апреля 1943 г. советник посольства Польши в США М. Квапишевский сообщил начальнику отдела по европейским делам Госдепартамента Э. Дарброу об обнаружении немцами под Смоленском захоронений с телами приблизительно 10 тыс. польских офицеров, якобы казненных советскими властями в 1940 г. [6, S. 18] Квапишевский отметил, что это сообщение может быть правдивым, и добавил, что независимо от того, что произошло на самом деле, если немцам удастся убедить польскую делегацию, направленную из Варшавы в Смоленск, в том, что польские офицеры действительно были казнены советским руководством, это серьезно повлияет на настрой правительства Польши и польских войск на Ближнем Востоке. Квапишевский указал, что обнародование немцами этой информации именно в данный момент связано с тотальным наступлением советских войск и желанием заручиться поддержкой поляков для ведения активной борьбы против СССР [15, p. 374–375].

17 апреля 1943 г. польский министр национальной обороны генерал-лейтенант М. Кукель по поручению Сикорского заявил о необходимости расследования обнаруженных немцами захоронений польских офицеров, для чего, по его мнению, полякам следовало обратиться в Международный Красный Крест (далее – МКК) [15, pp. 376–379]. Сам Сикорский в беседе с послом США при польском правительстве выразил обеспокоенность по поводу растущей враждебности польских военных по отношению к СССР, которая, и до известий о расстреле в Катыни, усилилась в связи с декларированным в январе 1943 г. намерением Москвы сохранить границу по «линии Риббентропа – Молотова» и навязыванием польским гражданам, насильственно депортированным в Советский Союз, советского гражданства. По словам Сикорского, заявление Германии подтверждалось информацией, полученной польской разведкой. Фактически на основании этих сообщений он и его соратники пришли к выводу, что советские власти «убили» польских офицеров во время разгрома Франции, полагая, что Германия близка к победе. Кроме того, Сикорский отметил готовность британского премьера оказать содействие в переговорах с Москвой и выразил надежду на такую же помощь со стороны Вашингтона [15, pp. 379–380].

Посол США в Швейцарии Л. Харрисон докладывал в Госдепартамент, что предание гласности катынской трагедии не только ухудшает польско-советские отношения, но и негативно влияет на репутацию Вашингтона, который, по мнению мировой общественности, отдает Европу под советский контроль. Кроме того, как считал Харрисон, это усиливает позиции антисоветских кругов в самих США [15, p. 382]. Официально же Вашингтон никак не прокомментировал обнаружение массовых захоронений в Катыни, что активно критиковалось в герман-

ской прессе [10, р. 991]. Американская пресса занимала нейтральную позицию, больше осуждая попытки польского эмигрантского правительства добиться независимого расследования преступления в Катыни посредством МКК [11, р. 385].

26 апреля 1943 г. Э. Дарброу отмечал: в британском посольстве в Москве полагают, что разрыв отношений с польским эмигрантским правительством нужен СССР для сокрытия своей ответственности за расстрел польских офицеров. В этот же день президент США Ф. Рузвельт в послании И. Сталину выразил надежду на то, что советское руководство ограничится лишь приостановкой отношений с польским эмигрантским правительством, но не их разрывом. Американский президент обещал, что совместно с британским правительством он попробует заставить польское руководство действовать «благоразумно» и не допускать больше «ошибок». Кроме того, Рузвельт подчеркнул, что в Соединенных Штатах проживает несколько миллионов поляков, многие из которых служат на флоте и в армии, и полный разрыв дипломатических отношений будет иметь негативные последствия для внутренней стабильности американского общества [15, pp. 395–396].

27 апреля 1943 г. Биддл сообщал в Госдепартамент, что СССР потребовал от Сикорского публичного опровержения немецких обвинений в расстреле польских офицеров. Сикорский ответил, что не может выполнить это условие, так как польская разведка знала об этом еще до заявлений Германии, но может повлиять на польскую прессу с целью снижения градуса обвинений Москвы. Кроме того, он сообщил о готовности отказаться от международного расследования и о намерении укреплять общий фронт в рамках антигитлеровской коалиции. В любом случае, по мнению Сикорского, советский демарш с разрывом дипломатических отношений был нацелен как минимум на то, чтобы заставить нынешнее польское правительство заплатить более высокую цену за их возобновление или использовать выгодный повод для давно вынашиваемой идеи разрыва с эмигрантским польским правительством для создания ему альтернативы из просоветски настроенных поляков [15, pp. 398–400]. Биддл считал, что СССР давно готовил такой разрыв, и Катынский расстрел стал лишь поводом для этого [15, р. 405].

Общественность Соединенных Штатов слабо реагировала на сообщения прессы о событиях в Катыни, озабоченная больше войной с Японией. В Конгрессе «не было ни волнения, ни тревоги по поводу массового расстрела». За весь период с апреля 1943 г. по июль 1944 г. по поводу Катыни была сделана только одна запись в отчете Конгресса – запрос сенатора Б. Уиллера (демократ, шт. Монтана) по поводу публикации в газете *Washington Times-Herald* от 29 апреля 1943 г., в которой говорилось, что Советский Союз, возможно, не совершал расстрелов в Катыни, но «наверняка убил всех польских офицеров и аристократов, которые попали к нему в руки после вторжения в Польшу осенью 1939 г.» [30, S. 217].

С этого же времени власти США начали оказывать давление на сотрудников радиостанций, прежде всего польских, с целью ограничения комментариев любых новостей, касающихся событий в Катыни. Были случаи отстранения польских журналистов от работы. Американское руководство опасалось ослабления сотрудничества с СССР в случае негативной реакции польской диаспоры в США [22, р. 8; 25, р. 161]. Основания для этого были: после известий о Катыни польскоязычная пресса начала «безудержную кампанию по осуждению как советских властей, так и русской культуры в целом». Националистические и консервативные круги Польши представляли Польшу цивилизованным католическим оплотом защиты Европы от «русских монголов и татар» [25, р. 160]. В таком ключе, например, была выдержана вышедшая в начале 1944 г. в нью-йоркском *Nowy świat* серия публикаций, посвященных Катыни [9, pp. 550–554].

Рузвельт и первые попытки расследования Катынского преступления (1943–1945 гг.). В списке приоритетов Рузвельта катынский вопрос не занимал высокого места, но главным приоритетом. Советский Союз вносил решающий вклад в европейскую войну против Германии, и этот аргумент перевешивал все другие соображения. Кроме того, в США полным ходом велась работа по планированию послевоенного мироустройства. Советскому Союзу в этих планах отводилось важное место. Президент США рассчитывал на сотрудничество Сталина в деле послевоенного урегулирования, в том числе и в рамках предложенной им новой международной организации. Он допускал, что советский лидер к исходу войны сможет согласиться на признание за освобожденными народами Восточной Европы права на демократический выбор формы государственного устройства, свободной от имперского контроля Москвы [4, с. 35; 25, р. 159]. Поэтому, несмотря на осведомленность о событиях в Катыни, администрация Рузвельта предприняла меры для сокрытия этой информации и предотвращения ее распространения [25, р. 160].

В сентябре 1943 г. руководство США через своего посла обратилось к правительству Швейцарии с просьбой сообщать любую информацию о катынском расстреле, которая поступит в его распоряжение [15, р. 460–461]. Поступавшая информация, как правило, подтверждала результаты немецкого расследования.

В январе 1944 г. в Вашингтоне стали известны результаты расследования, проведенного советской комиссией Бурденко, возложившей ответственность на немцев [16, pp. 1238–1139]. Москва решила представить подготовленное НКВД «место преступления» группе иностранных журналистов. В состав группы входили 11 американцев, среди которых была дочь посла США в Москве А. Гарримана Кэтлин и сотрудник американского посольства Д. Мелби. Из посещения Катыни они вынесли смешанные впечатления. Позднее Кэтлин Гарриман скажет: «...Русские устроили для нас шоу, а их речи были отрепетированы... показания свидетелей, которые представила нам комиссия, были выверены до мельчайших деталей, но, по американским меркам, неубедительны. От нас ожидали, что мы поверим заявлениям высших советских официальных лиц только потому, что нам сказали, что они заслуживают доверия». Мелби, в свою очередь, вспоминал, что «доказательства в пользу российской версии... были плохо подобраны, и все шоу было устроено только для нас, без возможности независимого расследования или пересмотра». Тем не менее и Кэтлин Гарриман, и Мелби подтвердили выводы комиссии. На этом основании А. Гарриман отправил в Госдепартамент отчет, в котором было сказано, что «поляков убили немцы». По поводу этого вывода конгрессмен Э. О'Конски позднее скажет: «Когда я прочитал ваш доклад, а я действительно читал его по крайней мере десять раз, то увидел, что в нем содержится больше аргументов в пользу вины русских, чем в пользу вины немцев. Я не могу понять, как вы пришли к такому выводу» [30, S. 281–284].

В 1944 г. эмиссар США на Балканах Д. Эрл по поручению Рузвельта собирал информацию о катынском расстреле, используя для этого свои контакты в Болгарии и Румынии, и пришел к выводу о виновности Советского Союза. Проконсультировавшись с директором Управления военной информации Э. Дэвисом, Рузвельт заявил, что он убежден в ответственности нацистской Германии, отверг заключение Эрла и приказал скрыть сам отчет. В конце марта 1945 г. Эрл написал Рузвельту, что хочет выступить в печати со своим отчетом о Катыни. Президент ответил, что не может допустить распространения подобного «неблагоприятного мнения» о союзнике и тем самым нанести «непоправимый ущерб» совместным военным усилиям. Он официально запретил ему выступать перед общественностью по поводу Катыни. Эрл в тот момент находился на дипломатической службе, он подчинился главе Белого дома [29, р. 174].

На то, что ответственность за Катынь несут советские власти, указывали сообщения корпуса контрразведки США, донесения подполковника Г. Шимански, офицера связи США с армией Андерса на Ближнем Востоке, который получил материалы о Катыни от польских офицеров, интернированных в СССР в 1939 г., в том числе Ю. Чапского, бывшего уполномоченным по розыску пропавших на советской территории поляков. Однако данные материалы также были отвергнуты администрацией Рузвельта «из-за их предвзятости» [29, pp. 172–173].

Секретный доклад полковника Д. Ван Влита, 1945 г. К концу 1944 г. катынский вопрос стал подниматься некоторыми представителями американской Полонии. Национальный конгресс американцев польского происхождения, выделявшийся из общего ряда польско-американских организаций самостоятельностью, радикальностью и выраженными антисоветскими взглядами, опубликовал брошюру на сорока восьми страницах, «не оставляющую сомнений в том, на ком лежит вина». Примерно в то же время девять польско-американских конгрессменов запросили у Военного министерства США документы по катынскому делу. Однако политикам сообщили, что запрос отклонен из-за того, что документы засекречены [26, р. 35].

22 мая 1945 г. из Европы в Вашингтон прибыл американский пехотный офицер полковник Д. Ван Влит и сообщил генерал-майору К. Бисселлу, помощнику начальника штаба сухопутных войск, отвечающему за армейскую разведку, важную информацию о Катыни. В частности, он сообщил, что в мае 1943 г. вместе с капитаном американских войск Д. Стюартом, будучи немецким военнопленным, он был доставлен нацистами на место массового захоронения под Смоленском. Было очевидно, что, доставив их, а также британских офицеров на место захоронений, нацисты надеялись укрепить доверие к своим обвинениям советских властей в расправе над поляками. В отчете, подготовленном по приказу генерала Бисселла, Ван Влит описал свои наблюдения и сделал вывод, что, по его убеждению, польские офицеры были убиты советскими властями [22, pp. 5–6].

Генерал Бисселл сразу же пометил доклад как «Совершенно секретный». Он был составлен в единственном экземпляре. Полковнику Ван Влиту было приказано сохранять содержа-

шиеся в нем сведения в строжайшей тайне. Тем не менее этот документ исчез из архивов армейской разведки. Считается, что это произошло в результате действий просоветски настроенных сотрудников, занимавшихся сокрытием любой антисоветской информации [22, pp. 7–8].

Американская позиция по катынскому преступлению на Нюрнбергском процессе.

Летом 1945 г. на конференции в Лондоне союзники по антигитлеровской коалиции договорились о проведении нюрнбергского трибунала для суда над нацистами за преступления против человечности [25, p. 140]. Предварительно державы-победительницы договорились, что каждая сторона представит список вопросов, которые не должны быть предметом судебных слушаний. Пакт Молотова – Риббентропа, обстоятельства вхождения прибалтийских государств в состав СССР и польско-советские отношения были внесены Москвой в перечень табуированных тем. Катынь оказалась в списке пожеланий СССР как преступление, совершенное немцами. Главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе Р. Джексон позже признал, что Министерство юстиции Соединенных Штатов дало ему указание «как можно меньше распространяться о катынском деле» [26, pp. 155–156].

За сбор данных по преступлениям в Восточной Европе отвечал СССР, поэтому катынский вопрос входил в компетенцию советской стороны. Обвинение Москвы строилось на заключении комиссии Бурденко о том, что в сентябре 1941 г. в Катыни немцы убили 11 тыс. польских военнопленных офицеров [25, p. 140]. События в Катыни советской стороной были внесены в первоначальное обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала [24], проходившего с ноября 1945 г. по октябрь 1946 г. В Москве рассчитывали, что, согласно 21-й статье Международного военного трибунала (МВТ), позволявшей принимать документы комиссий для расследования военных преступлений без доказательств [3], выводы советской стороны будут приняты автоматически. Однако помощник главного обвинителя на Нюрнбергском процессе от США Т. Тейлор в преддверии судебного разбирательства неоднократно встречался с военнослужащими армии Андерса и консультировался с ними по Катынскому делу [29, p. 157].

Консультант другого заместителя главного обвинителя США У. Донована² Фабиан фон Шлабрендорф³ осенью 1945 г. также сообщал, что немцы не имеют отношения к преступлению в Катыни. Шлабрендорф пользовался доверием у группы американских обвинителей благодаря своей активной антинацистской позиции и был хорошо знаком с ситуацией, так как он сам и его двоюродный брат генерал Р.-К. фон Герсдорф лично участвовали в эксгумации погибших поляков в 1943 г. В докладе Доновану Шлабрендорф отмечал: «Я сам в это время находился в Катыни и был очевидцем обнаружения могил польских офицеров. Нет никаких сомнений в том, что польские офицеры были захвачены в плен и расстреляны русскими. Этот неоспоримый факт известен не только тысячам бывших немецких солдат и офицеров, но и польским священникам, английским офицерам и врачам-негерманцам в европейских странах. Демократические государства поставили бы под угрозу свое правое дело, опубликовав ложное обвинение» [29, pp. 162–163].

Позже Шлабрендорф описал реакцию Донована на это сообщение: «Его лицо покраснело, потому что он внезапно осознал, что невозможно возложить вину на немцев, как того хотели русские. Если бы это было сделано, обвинители действовали бы как преступники». Донован уговорил своего непосредственного руководителя главного обвинителя от США Р. Джексона встретиться со Шлабрендорфом и другими представителями антинацистского сопротивления. По итогам встречи Джексон отказался поддержать советскую позицию по Катыни [29, pp. 164–165].

12 марта 1946 г. по настоянию защиты Г. Геринга, которому инкриминировались преступления против военнопленных, МВТ⁴ тремя голосами «за» (представитель СССР отказался голосовать) удовлетворил ходатайство защиты о вызове в суд свидетелей, которые, как считали Донован и Джексон, должны были заявить, что это «убийство было совершено русскими» [29,

² У. Донован в 1942–1945 гг. был директором Управления стратегических служб (УСС), на Нюрнбергском процессе исполнял обязанности помощника главного обвинителя от США Р. Джексона.

³ Ф. фон Шлабрендорф – обер-лейтенант вермахта, участник сопротивления нацистам, организатор нескольких заговоров против А. Гитлера. На Нюрнбергском процессе консультант американской делегации.

⁴ В состав суда входили четыре судьи: Ф. Биддл (США), Д. Лоуренс (Великобритания), А. Доннедьё де Вабр (Франция) и И. Никитченко (СССР).

р. 164]. Советская сторона настаивала на противоречии данного решения статье 21 устава МВТ, однако судья Ф. Биддл сослался на то, что подобная интерпретация противоречит статье 19 устава МВТ, дававшей возможность принимать любые доказательства, и лишает смысла деятельность МВТ как судебной инстанции. Представители Великобритании и Франции поддержали Биддла [20, pp. 53–54]. В конфиденциальных беседах члены британской и американской делегаций пытались убедить главного обвинителя от СССР Р. Руденко в том, что обвинение немцев в Катынском преступлении должно быть снято, однако Руденко настаивал на позиции, заранее разработанной заместителем наркома иностранных дел СССР А. Вышинским и утвержденной лично И. Сталиным [29, p. 157].

Главный советский обвинитель просил МВТ отменить решение, обвинив суд в неисполнении своих обязанностей и совершении грубой ошибки. Биддл заявил, что подобное отношение к суду является «вызывающим и непристойным» и что в США советского представителя сразу «отправили бы в тюрьму» за неуважение и оскорбление судей. Биддл предложил зачитать соответствующее заявление на открытом судебном заседании, «прежде чем генерал Руденко будет арестован». Это заставило советскую сторону пойти на компромисс и согласиться на вызов свидетелей, по трое человек с каждой стороны [29, p. 165].

Поскольку советские обвинения строились вокруг версии об участии в расстреле немецкого 537-го полка связи, то защита вызвала свидетелями командира полка Ф. Аренса, его подчиненного лейтенанта Р. Фон Эйхборна и командующего связью в группе армий «Центр» генерал-лейтенанта Ю. Оберхаузера [21, pp. 231–232]. Все свидетели отметили, что войска связи не участвовали в боях и не могли иметь отношение к расстрелам. Все свидетели советской стороны пытались подтвердить версию комиссии Бурденко, но по ходу прений несколько раз меняли свою позицию. После допроса свидетелей адвокат защиты О. Штамер представил документацию о событиях в Катыни, полученную от бывшего польского офицера, который прибыл в Нюрнберг по поручению генерала Андерса. Руденко попытался исключить из рассмотрения документы, назвав их «фашистскими памфлетами» и потребовав их конфискации судом. Но МВТ включил их в официальную документацию судебного процесса. Опрос свидетелей и, предположительно, польская документация в конечном итоге привели американскую делегацию к убеждению, что советская версия не выдерживает критики. В итоге США добились от суда снятия с немцев обвинений в преступлении в Катыни. В окончательном приговоре катынский эпизод отсутствует [29, pp. 168–170]. Результаты судебного разбирательства в Нюрнберге, тем не менее, достоянием гласности не стали.

Американская Полония и распространение информации о событиях в Катыни. В первые послевоенные годы любая информация о Катынской трагедии неофициально табуировалась и Госдепартамент пресекал утечки сведений по этой теме. Телекомпания «Голос Америки», например, не сообщала о Катыни в своей программе на польском языке, а книга С. Миколайчика «Насилие над Польшей» звучала в эфире без соответствующих фрагментов. Ю. Чапского приглашали для интервью о службе офицером польских войск под командованием союзников, но только при условии, что он не будет упоминать Катынь [29, p. 176]. Тем не менее сбором информации о Катыни в это время уже занимался корпус контрразведки США, который опрашивал свидетелей, включая немецких военных, и уже в 1948 г. подготовил по этому поводу отчет [29, pp. 176–177].

В это время в основном представители польской диаспоры в США в прессе и в выступлениях на своих собраниях поддерживали катынский дискурс. Полония организовала сбор финансовых средств, направленных на придание огласке подробностей Катынского дела. С этой целью распространялись многотысячные тиражи пропагандистских материалов и проводились еженедельные собрания. Американцы польского происхождения обращались с протестами и резолюциями в Белый дом, к представителям Госдепартамента и Конгресса [1, с. 114]. Кроме того, к 1948 г. были опубликованы воспоминания людей, которые играли значительные роли в польской истории, в том числе посла польского эмигрантского правительства в Вашингтоне Я. Цехановского, лидера польской оппозиции С. Миколайчика и посла США в Польше в 1945–1947 гг. А. Б. Лейна. В их мемуарах события в Катынском лесу рассматривались как ключевой элемент в системе доказательств существования советских планов по установлению контроля над Польшей [26, p. 39]. В крупных польскоязычных газетах: Dziennik Polski в Детройте, Dziennik Związkowy в Чикаго и Gwiazda Polarna в Висконсине – стали появляться статьи, посвященные Катыни [29, p. 40]. В марте 1948 г. серия таких публикаций вышла в ведущей польско-американской газете того времени Nowy Świat однако ввиду того, что

они вышли на польском языке, резонансными они стали преимущественно для Польнии, а не для американской аудитории в целом.

С этого же времени крупнейшая организация американцев польского происхождения (Польско-американский конгресс, ПАК) начала добиваться расследования Катынской трагедии. 13 апреля 1949 г. президент ПАК Ч. Розмарек направил телеграмму послу США в ООН У. Остину, попросив его поднять вопрос о Катыни и «потребовать немедленного и беспристрастного расследования одного из самых отвратительных преступлений в мире». Однако эта идея не увенчалась успехом [21, р. 235].

По мере смещения внешнеполитического курса США в сторону более выраженной конфронтационности по отношению к СССР в американском обществе активизировался антисоветский дискурс, и тема Катыни становилась более востребованной и менее запретной. В июле 1949 г. американский корреспондент Д. Эпштейн опубликовал несколько статей в *Herald Tribune* и немецком еженедельнике *Die Zeit* о массовом убийстве в Катыни, обвинив власти США в «заговоре молчания». Эпштейн во время войны работал в Управлении военной информации и уже в то время заинтересовался этой историей, но не писал о ней из-за политики правительства. Теперь же он призвал к созданию специального комитета по расследованию подлинных обстоятельств катынского дела. По просьбе конгрессмена Д. Дондеро (дем., Мичиган) одна из статей Эпштейна была включена в отчет Конгресса. Вскоре после этого конгрессмен Р. Мэдден (дем., Индиана) выступил на заседании ПАК 18 сентября 1949 г. в Гэри, штат Индиана, на котором единогласно была принята резолюция, в которой содержалось требование к советскому правительству согласиться на проведение расследования МКК для представления результатов международному трибуналу [27, р. 13].

29 сентября 1949 г. Мэдден внес резолюцию ПАК на рассмотрение Палаты представителей Конгресса США, но обнаружил, что большинство его коллег-конгрессменов ничего не слышали о Катынском деле. Когда Эпштейн обратился в Госдепартамент с предложением написать программу о Катыни для «Голоса Америки», ему сказали, что Госдепартамент в этом не заинтересован, поскольку Катынь «вызовет слишком сильную ненависть к Сталину среди поляков и руководство радиостанции не получило разрешение из Вашингтона на использование материалов о Катыни». Тогда Эпштейну пришла в голову идея создать частный комитет из выдающихся американцев для расследования Катыни, для чего он обратился к А. Лейну, бывшему послу США в Польше, который приветствовал эту идею и вместе с Эпштейном учредил Американский комитет по расследованию Катынского расстрела. Лейн стал его президентом, а Эпштейн – исполнительным секретарем. Кроме того, в его состав вошли У. Донован, будущий глава ЦРУ А. Даллес, бывший член Палаты представителей США от штата Коннектикут К. Люс, журналистка Д. Томпсон и президент ПАК Ч. Розмарек [21, pp. 235–236].

Лэйн обращался с письмом к А. Вышинскому, в котором задал вопросы о Катыни и пропавших офицерах из Осташковского и Старобельского лагерей, но не получил ответа. Впрочем, правительство США также игнорировало запросы комитета [29, pp. 176–177].

Госдепартамент в целом крайне холодно отнесся к созданию комитета 21 ноября 1949 г. в Нью-Йорке, направив своего представителя, но отказавшись транслировать ход заседания. Налоговая служба также не проявила готовности к сотрудничеству, отказавшись предоставить комитету статус, освобождающий от уплаты налогов, на том основании, что деятельность организации «не имела образовательной ценности». Однако комитет Лейна подготовил почву для более активных действий [21, р. 236].

Интерес к этой теме в американском обществе возрос после вступления США в Корейскую войну во главе коалиции ООН, когда сообщения об убийстве американских военнопленных северокорейскими и китайскими властями попали в заголовки газет. На этом фоне Эпштейн попытался привлечь внимание средств массовой информации к теме Катыни. Он отмечал, что американских военнопленных убивали таким же способом, как поляков в Катыни: выстрелами в затылок [8, р. 178; 29, pp. 178–179].

Тогда же Эпштейн узнал, что американский подполковник Д. Ван Влит и другие американские и британские офицеры были доставлены немцами в Катынь в качестве свидетелей. Однако отчет Ван Влита не был внесен ни в один официальный реестр и, по-видимому, бесследно исчез. Эпштейн пришел к выводу, что информация о Катыни систематически скрывалась руководством США от американской общественности. Он написал небольшую брошюру, которая была опубликована одним католическим издательством под названием «Тайны доклада Ван Влита». В ней содержались обвинения высших должностных лиц администрации

Рузвельта в том, что в своей борьбе с Гитлером они закрывали глаза на преступный характер сталинского режима [29, p. 179].

Расследование катынского преступления в Конгрессе США. 26 июня 1951 г. конгрессмен Т. Шихан (респ., Иллинойс), обещавший содействовать расследованию событий в Катыни своим польско-американским избирателям, внес в Палату представителей проект резолюции 282 [19, s. 302], в которой содержался призыв к созданию специального комитета из тринадцати членов нижней палаты Конгресса, назначаемых спикером, для проведения полного расследования событий в Катыни. Его резолюция на некоторое время застряла в Комитете по регламенту, но позже все же была принята благодаря тысячам писем американцев польского происхождения и усилиям другого члена Палаты представителей – демократа Р. Мэддена из Индианы, где многочисленная польская диаспора также пользовалась значительным влиянием. Благодаря усилиям Мэддена удалось снять информационную блокаду вокруг Катынского дела [29, p. 179], и 18 сентября 1951 г. Палата представителей приняла резолюцию о создании специального комитета для проведения полного и исчерпывающего расследования гибели офицеров польской армии и других лидеров в Катынском лесу под Смоленском весной 1940 г. В состав комиссии вошли: сам Мэдден (председатель комиссии), Д. Флуд (дем., Пенсильвания), Ф. Фурколо (дем., Массачусетс), Т. Махрович (дем., Мичиган), Д. Дондеро (респ., Мичиган), Э. О'Конски (респ., Висконсин) и Т. Шихан (респ., Иллинойс). Комитет также назначил Д. Митчелла в качестве адвоката, Р. Пучински в качестве следователя и Б. Бук в качестве секретаря [23, p. 1]. Двое конгрессменов (Махрович и О'Конски), входивших в состав комиссии, имели польское происхождение и говорили по-польски [29, p. 179]. Все члены комитета представляли штаты с высоким процентом американцев польского происхождения [25, p. 142].

Расследование было разделено на два этапа: на первом было намечено выяснить, власти какого государства виновны в массовом убийстве; на втором – установить, были ли какие-либо американские официальные лица ответственны за сокрытие фактов массового убийства от американского народа [22, p. 2].

С 1 октября 1951 г. по 14 ноября 1952 г. комитет допросил в общей сложности 81 свидетеля и совершил поездки из Вашингтона в Чикаго, Лондон, Берлин, Франкфурт и Неаполь. В результате расследования были собраны и изучены копии документов, фотографии, более 100 письменных заявлений. Мэдден обращался к правительствам в Варшаве и Москве с просьбой предоставить материалы и ответы на вопросы о Катыни. МИД Польши проинформировал Мэддена о том, что они не намерены возвращаться к этому вопросу, который уже был окончательно решен. Москва же ограничилась тем, что направила в советское посольство в Вашингтоне доклад комиссии Бурденко без дальнейших объяснений [29, pp. 180–181].

Первым свидетелем, заслушанным комитетом, был подполковник Д. Стюарт, позднее были заслушаны показания Ван Влита, Г. Шимански, У. Стэндли и Д. Эрла, а также представителей американской прессы, присутствовавших при работе комиссии Бурденко. Показания также дали В. Андерс, Ю. Чапский, бывший генеральный секретарь польского Красного Креста К. Скаржинский, а также несколько «зашифрованных» свидетелей, выступавших на заседаниях в масках, опасаясь за жизнь своих родственников в ПНР.

Американские конгрессмены придавали особое значение заключению Международной медицинской комиссии, работавшей под эгидой Германии. На момент расследования три ее члена: словак Ф. Шубик, чех Ф. Гаек и болгарин М. Марков – проживали в прокоммунистических странах. Они дистанцировались от немецкого доклада о Катыни 1943 г. Комитет Мэддена пригласил Гаека и Маркова на слушания по почте, но письма до адресатов не дошли. Голландец Г. де Бурле, как бывший нацистский активист, приглашен не был. Бельгийца Р. Спелерса и финна А. Саксена уже не было в живых. Швейцарский судебно-медицинский эксперт Ф. Навиль, венгр Ф. Орсош, датчанин Х. Трамсен, итальянец В. Пальмиери, гражданин США хорватского происхождения Э. Милославич и румын А. Биркле также предстали перед Комитетом. Все они подтвердили, что их окончательный отчет был подготовлен без вмешательства и давления со стороны немцев. Милославич произвел сенсацию во время своего допроса, когда продемонстрировал члену комитета технику казни, применяемую НКВД, подобную той, которую описывали в своих показаниях анонимные свидетели-поляки. Тот факт, что болгарин Марко Марков не сомневался по поводу виновности советской стороны, был подтвержден Р.-К. фон Герсдорфом, который как штабной офицер группы армий «Центр» в 1943 г. находился в Смоленске и лично общался с Марковым [29, pp. 187–188].

В своих выводах комитет единогласно пришел к выводу, что НКВД СССР ответственен за совершение массовых казней польских офицеров и интеллигенции в Катынском лесу. В выво-

дах доклада содержится резкая критика Рузвельта и его советников по внешней политике за то, что они проигнорировали многочисленные документы, которые убедительно указывали на «советское вероломство» [29, р. 191]. Комитет также рекомендовал создать международный трибунал для расследования массовых казней, где бы они ни происходили. Комитет отметил сходство между судьбой польских офицеров в Катыни и возможной судьбой солдат ООН, захваченных в Корее [18, pp. 973–974].

Международный резонанс американского расследования по Катыни. Вердикт комитета Конгресса по Катыни вызвал ликование Полонии. В радиопередачах видные политики из обеих основных партий выступали за свободу Польши и продолжали осуждать русских. Каждый крупный польско-американский центр в стране стал местом проведения поминальных служб в память о жертвах НКВД, на которых зрителям часто показывали немецкие фильмы о месте эксгумации. Все тридцать пять отделений ПАК одновременно проводили кампанию по сбору подписей, призывающих ООН передать катынское дело на рассмотрение Международного суда. Розмарек в многочисленных выступлениях ратовал за разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом и восточноевропейскими режимами [28, р. 422].

22 мая 1952 г. посол США в СССР Д. Кеннан сообщал в Вашингтон, что катынская тема, очевидно, является предметом патологической чувствительности в Москве и есть основания подозревать, что она связана с конфузами чрезвычайно деликатного внутривнутриполитического характера. «Возобновление этого вопроса комитетом Конгресса в нашей стране этой зимой явно уязвило Кремль в самое больное место». Он предсказал, что в ответ на предпринятое в США расследование СССР «бросится в атаку и выдвинет встречные обвинения» [18, pp. 973–974]. Действительно, 16 июня 1952 г. посол СССР в США А. Панюшкин в разговоре с представителем управления Госдепартамента по Восточной Европе У. Барбуром, говоря об антисоветских кампаниях в американской прессе, особо упомянул «усилия, предпринимаемые некоторыми конгрессменами, чтобы возложить вину за “гитлеровскую катынскую резню” на Советы» [18, pp. 985–986].

7 июля 1952 г. Госдепартамент инструктировал американскую миссию при ООН относительно заседаний седьмой сессии Генеральной ассамблеи ООН и упоминал, что в рамках антисоветской кампании, как один из вариантов, можно поднять вопрос о катынском деле [17, р. 12]. Немного ранее член Палаты представителей от штата Массачусетс и лидер большинства в Конгрессе США Д. Маккормак (дем.) 12 мая 1952 г. в сообщении главе ЦРУ говорил о широком пропагандистском успехе за рубежом у расследования комитета и интересовался, нельзя ли создать подобные комитеты по другим резонансным случаям для успешного ведения «психологической войны» [7]. Однако 24 сентября 1952 г. в Белом доме было решено не поднимать данный вопрос на заседании ООН [17, р. 30].

10 февраля 1953 г. отчет о слушаниях Комитета был передан Генеральному секретарю ООН Т. Ли [18, pp. 973–974], после чего документ был направлен в архив. Победивший на президентских выборах республиканец Д. Эйзенхауэр решил не привлекать внимания ООН к Катыни: в начале марта ушел из жизни И. В. Сталин, после чего наметились подвижки в деле прекращения войны в Корее, и новая администрация избегала шагов, которые Кремль мог бы воспринять как провокацию. Занявший пост государственного секретаря Д. Даллес, являвшийся одним из инициаторов расследования катынского дела, теперь придерживался этой линии. Таким образом, тема Катыни перестала быть актуальной и ушла из политической повестки Вашингтона и из заголовков СМИ [29, pp. 192–193].

Заключение. Таким образом, американская позиция в отношении событий в Катыни в 1943–1953 гг. носила прагматичный характер. Ее эволюцию можно разделить на несколько этапов. На первом этапе (1943–1945 гг.) американское руководство, заинтересованное в сохранении союзнических отношений с СССР, игнорировало имеющиеся уже с 1942 г. сведения о причастности советского руководства к исчезновению польских офицеров, взятых в плен РККА в 1939 г., подавляло распространение данной информации в американском обществе. На втором этапе (1945–1949 гг.), после смерти президента Рузвельта, окончания Второй мировой войны и появления первых признаков биполярного противостояния, табуирование данной темы постепенно было ослаблено. Важными элементами данного этапа были противодействие американской стороны советским попыткам официально на международном уровне переложить ответственность за Катынь на немцев на Нюрнбергском процессе, а также активизация деятельности американской Полонии и ряда американских общественных активистов и политиков с целью распространения информации о событиях в Катыни. Кульминацией данного этапа становится создание в конце 1949 г. Американского комитета по расследова-

нию катынского дела. Начало Корейской войны способствовало наступлению третьего этапа (1950–1953 гг.) в американской политике в отношении Катыни, апогеем которого стало формирование специального комитета Конгресса США по расследованию событий в Катыни с вовлечением широких слоев американского общества в обсуждение данной проблемы.

Расследование проходило в преддверии избирательной кампании 1952 г. Республиканцы активно использовали замалчивание администрацией Рузвельта известных фактов о событиях в катынском лесу, в том числе и для того, чтобы привлечь на свою сторону избирателей – этнических выходцев из Восточной Европы от демократов.

Администрация Эйзенхауэра, хорошо знакомая с историческим контекстом катынского дела, предпочла не заострять внимание на этой проблеме. На катынской трагедии в течение нескольких последующих десятилетий продолжала лежать печать недосказанности. Неоднократно в США пытались воспользоваться этим обстоятельством для ведения психологической войны против СССР в рамках биполярного противостояния. Только с окончанием холодной войны и признанием руководством СССР/России ответственности за действия НКВД в отношении польских военнопленных весной 1940 г. для американского руководства была окончательно снята всякая актуальность в этом вопросе.

Список литературы

1. Немчинов Д. Г. Советизация Польши: восприятие и политика США, 1945–1949 гг. // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 6. С. 106–122.
2. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2012. 952 с.
3. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.). URL: http://ww2.kulichki.net/ustav_tribunal.htm (дата обращения: 21.04.2024).
4. Юнзблуд В. Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб. : Образование, 1996. 221 с.
5. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М. : РОССПЭН, 2009. 517 с.
6. Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationsstelle. Berlin : Zentralverlag der NSDAP, 1943. 331 S.
7. Archive CIA. General CIA records. Use of Congressional Committees for propaganda purposes. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp91-00682r000300100020-9> (дата обращения: 25.04.2024).
8. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Stanisława Mikołajczyka. Subject file, 1941–1963. URL: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2109883> (дата обращения: 25.04.2024).
9. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Władysława Andersa. Materials Filed by Document Number. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2110947?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=3&_Jednostka_id_jednostki=2110947 (дата обращения: 26.04.2024).
10. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1939–1943. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104288?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=5&_Jednostka_id_jednostki=2104288 (дата обращения: 25.04.2024).
11. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1941–1944. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104285?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=2&_Jednostka_id_jednostki=2104285 (дата обращения: 26.04.2024).
12. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1943–1944. URL: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104292?_Jednostka_delta=200&_Jednostka_resetCur=false&_Jednostka_cur=2&_Jednostka_id_jednostki=2104292 (дата обращения: 25.04.2024).
13. FRUS (Foreign Relations of United States). Diplomatic papers. 1941. Vol. I. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1959. 1024 p.
14. FRUS. 1942. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1961. 844 p.
15. FRUS. 1943. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1963. 1125 p.
16. FRUS. 1944. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1965. 1446 p.
17. FRUS. 1952–1954. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1979. 1581 p.
18. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1988. 1435 p.
19. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. Rząd Polski na Emigracji. Komunikaty Polskiej Agencji Telegraficznej: orędzia, oświadczenia i odezwy Rządu RP, przemówienia Prezydenta RP, premiera i ministrów. URL: <https://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=1&nrrar=701&nrrzesp=9&sygn=12&handle=701.180/930&seria=0> (дата обращения: 25.04.2024).
20. International Military Tribunal. Nuremberg Archives. H-2786. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/gk247nn1558/gk247nn1558.pdf#page=53> (дата обращения: 21.04.2024).
21. Katyn: A Crime Without Punishment / eds. by A. Cienciala, N. Lebedeva, W. Materski. New Haven ; London : Yale University Press, 2007. 624 p.
22. Katyn Forest Massacre. Final Report. Washington : United States Government Printing Office, 1952. 49 p.

23. Katyn Forest Massacre. Interim Report. Washington : United States Government printing office, 1952. 31 p.
24. Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 1. Indictment: Count Three – War Crimes. VIII. Statement of the Offence. URL: <https://avalon.law.yale.edu/imt/count3.asp> (дата обращения: 21.04.2024).
25. *Stanford G.* Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, justice and memory. London : Routledge, 2009. 266 p.
26. *Szymczak R.* A Matter of Honor: Polonia and the Congressional Investigation of the Katyn Forest Massacre // Polish American Studies. 1984. № 1. Pp. 25–65.
27. *Szymczak R.* Cold War Crusader: Arthur Bliss Lane and the Private Committee to Investigate the Katyn Massacre, 1949–1952. Polish American Studies. 2010. № 2. Pp. 5–33.
28. *Szymczak R.* The vindication of memory: The Katyn case in the West, Poland and Russia, 1952–2008. The Polish Review. 2008. № 4. Pp. 419–443.
29. *Urban T.* The Katyn Massacre 1940: History of a Crime. Barnsley, South Yorkshire : Pen and Sword Military, 2020. 296 p.
30. *Weber C.* Krieg der Täter. Die Massenerschießungen von Katyń. Hamburg : Hamburger Edition, 2015. 471 S.
31. *Wnuk R.* Za pierwszego Sowietu. Polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939 – czerwiec 1941). Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej i Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 463 s.

Katyn in the assessments and policies of the American leadership (1940–1953)

Nemchaninov Daniil Grigorievich

PhD in Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Humanities and Social Sciences, Kirov State Medical University. Russia, Kirov. ResearcherID: AHB-7155-2022. ORCID: 0000-0001-6115-6349.
E-mail: nemchaninovdg@gmail.com

Abstract. This article considers the American policy regarding the shooting of Polish servicemen in Katyn in the spring of 1940. The main determinants and stages of evolution of foreign policy decisions of the United States leadership on this issue are highlighted. Conclusions were made about the influence of American interest during World War II in the preservation of the anti-Hitler coalition and, as a result, Washington's reluctance to publicize the details of this event. In the post-war period, there is a weakening of state regulation of assessments of these events and increasing the interest of the American public in the topic of Katyn. Representatives of the Polish diaspora played a major role in the popularization, who actively collected and disseminated information about the events in Katyn. Of particular interest are the actions of the United States delegation at the Nuremberg Trials, which did not support the position of the USSR on this issue. At the third stage, a special committee is formed in the Congress of the United States to investigate all the circumstances of the death of Polish servicemen in Katyn, the published results of which caused a wide public response. The 1952 election campaign in the United States was of significant importance, during which representatives of the Republican Party used the silence of the available facts about the events in Katyn by the F. D. Roosevelt's administration to defeat the Democrats. This contributed to attracting a large group of voters from Eastern European countries to the side of the Republicans. After the end of the Korean War, interest in this topic decreased and intensified only periodically as an element of psychological war within the framework of bipolar confrontation.

Keywords: Cold War, Poland, Katyn, Department of State, Soviet-American relations.

References

1. *Nemchaninov D. G.* *Sovetizaciya Pol'shi: vospriyatie i politika SShA, 1945–1949 gg.* [Sovietization of Poland: The United States Perceptions and Policy, 1945–1949] // *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2023. No. 6. Pp. 106–122.
2. *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the XX century. Essays on political history]. M., Indrik. 2012. 952 p.
3. *Ustav Mezhdunarodnogo Voennogo Tribunala dlya Duda i nakazaniya glavnyh voennyh prestupnikov evropeyskih stran osi* (London, 8 avgusta 1945 g.) [Agreement for the Prosecution and Punishment of the Major War Criminals of the European Axis, and Charter of the International Military Tribunal. London, 8 August 1945]. Available at: http://ww2.kulichki.net/ustav_tribunal.htm (date accessed: 21.04.2024).
4. *Yungblud V. T.* *Era Ruzvel'ta: diplomaty i diplomatiya* [Roosevelt Era: diplomats and diplomacy]. SPb., Obrazovanie (Education). 1996. 221 p.
5. *Yazhborovskaya I. S., Yablokov A. Yu., Parsadanova V. S.* *Katynskiy sindrom v sovetsko-pol'skih i rossijsko-pol'skih otnosheniyah* [Katyn syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish relations]. M., ROSSPEN. 2009. 519 p.
6. Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationsstelle. Berlin : Zentralverlag der NSDAP, 1943. 331 S.

7. Archive CIA. General CIA records. Use of Congressional Committees for propaganda purposes. Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp91-00682r000300100020-9> (date accessed: 25.04.2024).
8. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Stanisława Mikołajczyka. Subject file, 1941–1963. Available at: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2109883> (date accessed: 25.04.2024).
9. Archiwum Instytutu Hoovera. Dokumenty Władysława Andersa. Materials Filed by Document Number. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2110947?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=3&_jednostka_id_jednostki=2110947 (date accessed: 26.04.2024).
10. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1939–1943. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104288?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=5&_jednostka_id_jednostki=2104288 (date accessed: 25.04.2024).
11. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1941–1944. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104285?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=2&_jednostka_id_jednostki=2104285 (date accessed: 26.04.2024).
12. Archiwum Instytutu Hoovera. Ministerstwo Informacji i Dokumentacji. Subject file, 1943–1944. Available at: https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/2104292?_jednostka_delta=200&_jednostka_resetCur=false&_jednostka_cur=2&_jednostka_id_jednostki=2104292 (date accessed: 25.04.2024).
13. FRUS (Foreign Relations of United States). Diplomatic papers. 1941. Vol. I. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1959. 1024 p.
14. FRUS. 1942. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1961. 844 p.
15. FRUS. 1943. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1963. 1125 p.
16. FRUS. 1944. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1965. 1446 p.
17. FRUS. 1952–1954. Vol. III. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1979. 1581 p.
18. FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1988. 1435 p.
19. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. Rząd Polski na Emigracji. Komunikaty Polskiej Agencji Telegraficznej: orędzia, oświadczenia i odezwy Rządu RP, przemówienia Prezydenta RP, premiera i ministrów. Available at: <https://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=1&nrrar=701&nrrzesp=9&sygn=12&handle=701.180/930&seria=0> (date accessed: 25.04.2024).
20. International Military Tribunal. Nuremberg Archives. H-2786. Available at: <https://stacks.stanford.edu/file/gk247nn1558/gk247nn1558.pdf#page=53> (date accessed: 21.04.2024).
21. Katyn: A Crime Without Punishment / eds. by A. Cienciala, N. Lebedeva, W. Materski. New Haven ; London : Yale University Press, 2007. 624 p.
22. Katyn Forest Massacre. Final Report. Washington : United States Government Printing Office, 1952. 49 p.
23. Katyn Forest Massacre. Interim Report. Washington : United States Government printing office, 1952. 31 p.
24. Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 1. Indictment: Count Three – War Crimes. VIII. Statement of the Offence. Available at: <https://avalon.law.yale.edu/imt/count3.asp> (date accessed: 21.04.2024).
25. *Stanford G.* Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, justice and memory. London : Routledge, 2009. 266 p.
26. *Szymczak R.* A Matter of Honor: Polonia and the Congressional Investigation of the Katyn Forest Massacre // Polish American Studies. 1984. No. 1. Pp. 25–65.
27. *Szymczak R.* Cold War Crusader: Arthur Bliss Lane and the Private Committee to Investigate the Katyn Massacre, 1949–1952. Polish American Studies. 2010. No. 2. Pp. 5–33.
28. *Szymczak R.* The vindication of memory: The Katyn case in the West, Poland and Russia, 1952–2008. The Polish Review. 2008. No. 4. Pp. 419–443.
29. *Urban T.* The Katyn Massacre 1940: History of a Crime. Barnsley, South Yorkshire : Pen and Sword Military, 2020. 296 p.
30. *Weber C.* Krieg der Täter. Die Massenerschießungen von Katyn. Hamburg : Hamburger Edition, 2015. 471 S.
31. *Wnuk R.* Za pierwszego Sowietą. Polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej (wrzesień 1939 – czerwiec 1941). Warszawa : Instytut Pamięci Narodowej i Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007. 463 s.

Поступила в редакцию: 17.11.2025

Принята к публикации: 11.12.2025